

## ЛИЧНОСТЬ СОСТАВИТЕЛЯ СТЕПЕННОЙ КНИГИ

Созданная на рубеже 50–60-х годов XVI в. Книга Степенная царского родословия (далее — СК) является одним из крупнейших памятников древнерусской книжности. Нашими предшественниками<sup>1</sup> и нами в ходе проведенного ранее исследования удалось установить, что, по всей видимости, СК создавалась под руководством одного лица. При этом оно выполняло ряд функций в написании произведения. Этот книжник, во-первых, составлял СК, во-вторых, осуществлял общее руководство работой над памятником, которую под его началом осуществляла группа писцов (около полутора десятков)<sup>2</sup>, выполнявших «техническую» работу, в-третьих, в ряде случаев редактировал вошедшие в нее фрагменты ее источников, в-четвертых, являлся автором целого ряда разделов произведения (во избежание терминологической путаницы далее мы будем использовать понятие «составитель» как наиболее традиционное поименование создателя СК)<sup>3</sup>. Для характеристики как СК, так и всей современной ей литературы важно прояснить вопрос о личности составителя этого памятника, работавшего по поручению митрополита Макария<sup>4</sup>, и его помощников. О каких конкретно лицах может идти речь?

В историографии высказывались мнения об участии в написании СК псковского книжника Василия-Варлаама, Сильвестра и Андрея-Афанасия. Обратимся к аргументам в пользу этих предположений<sup>5</sup> и попытаемся, во-первых, определить, принимал ли кто-то из них участие в написании СК, во-вторых, выяснить, кто являлся ее наиболее вероятным составителем.

### Василий-Варлаам и Степенная книга

Гипотезу о возможном участии в создании СК Василия-Варлаама выдвинул Н. С. Державин. Он высказал мнение о принадлежности помещенных в СК Житий Всеволода Псковского и Александра Невского к сочинениям этого псковского книжника, тем самым полагая, что он участвовал в создании СК<sup>6</sup>. Аргументы Н. С. Державина были дополнены и развиты Е. В. Неберекутиной. Последняя основывалась на результатах исследования ряда привлеченных ею для сравнения произведений этого писателя, сочинений Сильвестра, а также некоторых разделов СК. Опираясь на результаты подсчета количества случаев использования тех или иных лексических единиц и их сочетаний в изучаемых ею текстах, Е. В. Неберекутина выдвинула гипотезу о написании Василием-Варлаамом Похвалы Василию III (24 гл. 16 ст.), Сказания о Данииле Переяславском (25 гл. 16 ст.), чудес, связанных с взятием Казани (10 гл. 17 ст.), а также пришла к выводу о том, что Василий-Варлаам редактировал Жития Ольги, Всеволода Псковского (9 гл. 5 ст.) и Александра

<sup>1</sup> См., например: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 168–213.

<sup>2</sup> Как отмечено в археографическом введении к новому изданию СК, при написании и редактировании ее древнейших списков Волковского, Томского и Чудовского использовался труд, по меньшей мере, 15 писцов, один из которых осуществлял редактирование всех трех списков. См.: *Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие // *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам*. М., 2007. Т. 1. С. 6–23.

<sup>3</sup> Подробнее о методах работы над СК см.: *Усачев А. С.* Методы работы древнерусского книжника и проблема авторства Степенной книги // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. М., 2008. Вып. 25. Ч. 1. С. 294–320; Ч. 2. С. 155–192.

<sup>4</sup> На это прямо указывает составитель памятника уже в 1 гл. 1 ст., сообщая читателю о том, что открывающее СК Житие Владимира создавалось «благословением и повелением господина пресвященного Макария всея России» (см.: *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам*. Т. 1. С. 219).

<sup>5</sup> Отвергнутые всей историко-филологической наукой XX в. аргументы В. Н. Татищева и И. Н. Жданова в пользу мнения об авторстве митрополита Киприана и Пахомия Серба ниже рассматриваться не будут.

<sup>6</sup> *Державин Н. С.* «Степенная книга» как литературный памятник. Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902. С. 87.

Невского (8 ст.) при их включении в СК<sup>7</sup>. Рассмотрим данную гипотезу в свете данных, доступных исследователю начала XXI в.

Прежде всего, необходимо отметить, что результаты изучения памятников древнерусской литературы в последние годы дают значительный новый материал об их стилистике, материал, который по понятным причинам не мог быть учтен в исследовании, проведенном в 80-е — начале 90-х годов XX в. Так, первое десятилетие XXI в. отмечено появлением целого ряда исследований, в которых специально были рассмотрены методы работы русских агиографов эпохи Средневековья. В результате были развиты и существенно дополнены уже звучавшие в литературе оценки произведений русской житийной литературы. Как выясняется, их тексты представляли собой сложный сплав цитат (как явных, так и скрытых) из Св. Писания и сочинений предшественников. Последние служили источниками не только отдельных эпитетов и выражений, но и целых известий из жизни святых, которые, соответственно, имели чисто «литературное» происхождение и не были связаны с конкретными реалиями прошлого<sup>8</sup>. Важные наблюдения были сделаны в последние годы и относительно «общих мест» и «топосов», характерных для памятников древнерусской литературы (прежде всего, агиографии)<sup>9</sup>.

Как видим, материал, представленный в работах последних лет, со всей очевидностью показывает проблемы, с которыми сталкивается исследователь, пытаясь выявить в тексте древнерусского книжника его «авторскую» часть. До того, как будет предложено решение этих проблем, результаты, полученные на основе методики, разработанной авторами сборника «От Нестора до Фонвизина», не могут рассматриваться как убедительные данные в пользу авторства памятников древнерусской агиографии<sup>10</sup>.

Обратимся к конкретным аргументам в пользу гипотезы Е. В. Неберекутиной.

Наиболее последовательно гипотезу Е. В. Неберекутиной рассмотрела В. И. Охотникова<sup>11</sup>.

<sup>7</sup> Неберекутина Е. В. Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 154–224.

<sup>8</sup> Одним из наиболее ярких примеров подобного рода являются заимствования древнерусских писателей из «Слова похвально-го» Константину и Елене Евфимия Тырновского (последняя треть XIV в.). Этот памятник послужил источником целого ряда известий, относимых к жизнеописанию Владимира Святославича в Похвале ему и Поучении на его память (XV — первая четверть XVI в.). Как установил еще в начале XX в. Н. Ф. Околович, соответствующие фрагменты из данных произведений древнерусских писателей (пространное поучение Владимира сыновьям, описания основания киевским князем Владимира-на-Клязьме, плача «вельмож» об умирающем князе) представляют собой дословные заимствования из сочинения болгарского книжника XIV в. (в Похвале Владимиру и Поучении на его память в соответствующих местах имя «Константин» было заменено на имя «Владимир», а топоним «Константинополь/Византий» на «Владимир-на-Клязьме»). См.: Kaluzniacki Em. Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutymius. Wien, 1901. S. 104–144; Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. ст., публ., коммент. А. С. Усачева. М.; СПб., 2007. С. 85–95; Усачев А. С. Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче (исследование и тексты) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 31–44; Усачев А. С. Об одном эпизоде из истории русско-болгарских культурных связей эпохи средневековья // Славяноведение. 2007. № 2. С. 32–35.

<sup>9</sup> См., например: Руди Т. Р. Средневековая агиографическая топика: (Принцип imitatio и пролемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Междунар. Съезд славистов (Любляна, авг. 2003). М., 2002. С. 40–55; Руди Т. Р. «Imitatio angeli»: (Проблемы типологии агиографической топики) // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59; Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500; Конявская Е. А. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале русской агиографии) // Ruthenica. 2004. № 3. С. 80–92; Юрганов А. Л. Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры. [Вып.] 1. М., 2007. С. 325–350. К числу этих работ также следует отнести появление русского перевода целого ряда статей Р. Пиккио, которые, хотя и были написаны в более раннее время, широкому кругу российских исследователей стали доступны лишь после появления их публикации на русском языке (см.: Пиккио Р. Slavia orthodoxa: литература и язык. М., 2003).

<sup>10</sup> Сами авторы сборника весьма осторожно оценивали эвристические возможности данной методики применительно к средневековому материалу, отмечая, что наиболее точные результаты она дает на материале памятников русской литературы XIX–XX в. Нисколько не абсолютизируя методику, предлагаемую на страницах сборника, руководитель его авторского коллектива заключил, что «формально-количественная методика должна являться важным дополнением» (выделено нами. — А. У.) к «традиционному подходу к атрибуции» произведений древнерусской литературы (см.: Милов Л. В. Основные принципы разработки методики определения структуры авторского стиля. История вопроса // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 22, 26).

<sup>11</sup> Охотникова В. И. Житие Всеволода-Гавриила в составе Степенной книги // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 484–503; Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. СПб., 2007. Т. 1. С. 121–138.

Она выявила целый ряд случаев правки, которая сопутствовала включению Жития Всеволода Псковского редакции Василия-Варлаама в 9 гл. 5 ст. В. И. Охотникова установила, что для данной правки характерно не только дополнение текста Жития рядом летописных известий, но и изменения в оценках действующих в произведении персонажей. Так, если в редакции Жития Василия-Варлаама противник псковского князя — основатель династии владимирских князей Юрий Владимирович — представлен «лютым» и «Бога небоящимся», то в СК эти не слишком лестные для него эпитеты сняты. На этом основании В. И. Охотникова вполне резонно заключила, что редактирование Жития при его включении в СК не мог осуществлять его автор — Василий-Варлаам. Также В. И. Охотникова, воспользовавшись наблюдениями В. П. Мансикки о текстологии Жития Александра Невского, указала на то, что в СК вошла так называемая Владимирская редакция Жития, а не редакция Василия-Варлаама<sup>12</sup>, что также необъяснимо, если придерживаться версии о том, что Василий-Варлаам принимал участие в создании Жития Александра в 8 ст.<sup>13</sup>

Как нами было отмечено ранее, Житие Александра Невского в 8 ст. принадлежит к числу наиболее «классических» жизнеописаний предков Ивана IV в СК: оно основано на крупном агиографическом произведении, посвященном этому святому (Владимирской редакции Жития), которое дополнялось летописным материалом; также в 8 ст. выдержана трехчастная структура — Житие, Похвала, Чудеса. Нами уже было установлено, что набор методов, с помощью которых создавалось Житие Александра в СК, равно как и его композиция, также характерны и для жизнеописаний Владимира Святославича (1 ст.), Даниила Московского (9 ст.) и особенно Дмитрия Ивановича (12 ст.)<sup>14</sup>, т. е. для тех разделов, которые приписывать перу Василия-Варлаама нет никаких оснований. Гипотезе об участии Василия-Варлаама в создании жизнеописания Александра в СК противоречит и алгоритм написания степеней, единый для всех граней. Сказанное выше побуждает констатировать, что, по всей видимости, Василий-Варлаам не мог являться руководителем работ по созданию СК. Являлся ли он помощником составителя, написавшим ее отдельные разделы?

Е. В. Неберекутина высказала мнение об участии Василия-Варлаама в создании Жития Ольги в СК. Однако характер правки источника этого Жития — пространной редакции — при его включении в текст памятника плохо согласуется с данным предположением. Как будет показано ниже, редакторская правка, которая сопутствовала включению Жития Ольги пространной редакции в СК, характерна для ряда прочих памятников, вошедших в нее полностью или в значительных фрагментах, создание и редактирование которых с именем Василия-Варлаама не связывает ни Е. В. Неберекутина, ни другие исследователи. Рассматривая предположение относительно написания псковским книжником Похвалы Василию III в 24 гл. 16 ст., основанной на «Слове похвальном», а также описаний чудес, относящихся к взятию Казани (10 гл. 17 ст.), зафиксируем, что кроме приведенных Е. В. Неберекутиной количественных данных, указывающих на близость этих рассказов сочинениям Василия-Варлаама, нет ни одного аргумента в пользу мнения о создании соответствующих разделов этим писателем.

Сомнительно и участие Василия-Варлаама в создании жизнеописания Даниила Переяславского в СК. Основываясь на наблюдениях С. И. Смирнова о наличии ряда фактических разночтений в Сказании о Данииле Переяславском в СК и послужившем его источником Житии, Е. В. Неберекутина, специально не разбирая эти отличия, высказала мнение о написании

<sup>12</sup> Е. В. Неберекутина, зная о работе В. П. Мансикки (см.: *Неберекутина Е. В.* Поиски автора Степенной книги. С. 155, 213. Прим. 13, 17; С. 214. Примеч. 31, 33, 35, 41), игнорировала данное наблюдение исследователя.

<sup>13</sup> Охотникова В. И. Житие Всеволода-Гавриила в составе Степенной книги. С. 500–503.

<sup>14</sup> Усачев А. С. Особенности представления древнерусских князей в Степенной книге и специфика композиции памятника (на материале жизнеописаний кн. Владимира Святославича, Александра Ярославича и Дмитрия Ивановича) // Восточная Европа в Древности и Средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. Материалы конференции. М., 2007. С. 278–284; Усачев А. С. Методы работы древнерусского книжника и проблема авторства Степенной книги. Ч. 1. С. 301–318.

данных произведений разными лицами. Между тем разночтения, как показал С. И. Смирнов, имеют ключевое значение для решения вопроса об авторе Сказания. Как установил исследователь, Сказание содержит целый ряд явно переяславских деталей, уточняющих биографию Даниила, которые отсутствовали в Житии. На этом основании С. И. Смирнов вполне обоснованно заключил, что Сказание писалось, по всей видимости, переяславцем, лично знавшим Даниила<sup>15</sup>. Последнее, как представляется, лишает всяких оснований предположение о создании данного раздела псковским книжником, о связях которого с Переяславлем и Даниилом ничего не известно. Рассматривая гипотезу о возможном участии Василия-Варлаама в создании СК, также отметим следующее. Этот книжник основную часть жизни прожил в Пскове. Как указывает Е. В. Неберекутина, по крайней мере, один раз он был в Москве. Так, «Слово на обретение мощей» новгородского епископа Никиты (около 1558–1563 г.) указывает на посещение столицы этим писателем: как сообщает «Слово», Василий-Варлаам в Москве передал митрополиту Макарию некие «духовные и преславные вещи». Последние, согласно Е. В. Неберекутиной, представляли списки соответствующих фрагментов СК (исследовательница также не исключила того, что Василий-Варлаам мог быть в Москве еще несколько раз)<sup>16</sup>. Если «духовными и преславными вещами» действительно являлись тексты соответствующих разделов памятника, то встает вопрос: каким образом пскович мог их создать на основе источников, общих с прочими частями СК, создаваемыми явно в Москве, с использованием методов, которые также характерны для ее прочих разделов? Даже если гипотетически допустить, что в распоряжении псковского книжника были списки произведений, которые использовались в московском Чудовом монастыре<sup>17</sup> (включая Воскресенскую и Никоновскую летописи, имевшие явно московское бытование)<sup>18</sup>, неизбежно встанет вопрос: а каким образом Василий-Варлаам согласовывал свою работу с другим создателем СК? Как писателю, жившему и работавшему в Пскове<sup>19</sup>, удалось написать соответствующие разделы произведения по тем же самым правилам, с использованием тех же самых методов (которые не характерны для предшествующих и современных СК памятников<sup>20</sup>), что и его московскому коллеге? Гипотеза об участии Василия-Варлаама в создании СК не дает возможности ответить на эти вопросы.

Сказанное выше побуждает обратить внимание на два момента. Во-первых, можно констатировать, что в настоящее время отсутствуют веские аргументы в пользу предположения о написании и редактировании Василием-Варлаамом крупных разделов СК — Житий Ольги,

<sup>15</sup> Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. — 15 июля 1908 г.) / Изд. проф. С. И. Смирнова. М., 1908. С. XXI–XXIV. См. также: Усачев А. С. Экземпляр издания «Житие Даниила Переяславского...» из библиотеки С. И. Смирнова (по фондам Российской государственной библиотеки) // Библиотекословение. 2008. № 6. С. 54–60.

<sup>16</sup> Неберекутина Е. В. Поиски автора Степенной книги. С. 212.

<sup>17</sup> Если принять гипотезу Е. В. Неберекутиной, то следует признать, что в распоряжении Василия-Варлаама в Пскове были списки следующих произведений: Софийской I младшего извода, Воскресенской и Никоновской летописей, Житий Ольги пространной редакции, Александра Невского Владимирской редакции, Всеволода Псковского редакции Василия-Варлаама, Даниила Переяславского, «Слова похвального» Василию III; также в Пскове в данный период должны были находиться в достаточном количестве участники Казанского похода, рассказы которых и послужили источником записей чудес.

<sup>18</sup> Учитывая бедность псковских библиотек XVI в. на списки исторических произведений (определенное представление о составе монастырских библиотек Псковской земли в этот период дает материал описей книг Трехсвятительского Елеазарьева и Рождественского Снетогорского монастырей, см.: Французова Е. Б. Материалы для реконструкции книжных собраний двух центров письменности Псковской земли XVI века // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 336–343), данное допущение представляется слишком смелым, но без этого допущения сама гипотеза о написании в Пскове значительных разделов СК лишается всяких оснований.

<sup>19</sup> С Северо-Западом Руси связаны и почти все известные в настоящее время сочинения Василия-Варлаама: Жития Всеволода Псковского, Александра Невского, Исидора Юрьевского, Никиты Новгородского, службы Евфросину Псковскому, Всеволоду Псковскому, Савве Крыпецкому. Подробнее о сочинениях Василия-Варлаама см.: Дмитриева Р. П. Василий (в иноках Варлаам) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 112–116; Макарий (Веретенников). архим. Василий // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 72–74; Охотникова В. И. Псковская агиография. Т. 1. С. 14–116; СПб., 2007. Т. 2. С. 24–38, 104–238, 328–420.

<sup>20</sup> Подробнее см.: Усачев А. С. Методы работы древнерусского книжника и проблема авторства Степенной книги. Ч. 1–2.



Всеволода Псковского и Александра Невского, Сказания о Данииле Переяславском, Похвалы Василию III, а также чудес, связанных с взятием Казани. Во-вторых, гипотезе об авторстве ряда разделов СК Василия-Варлаама противоречат и результаты изучения методики работы ее составителя: весь текст произведения создавался с помощью одного набора приемов, что было бы невозможно в том случае, если бы его различные крупные разделы писались и редактировались разными лицами. Таким образом, в свете доступных нам в настоящий момент данных мнение об участии в написании СК, созданной в Москве, псковского книжника в роли составителя или его помощника следует отклонить.

### Гипотеза об участии Сильвестра в создании Степенной книги

Развивая наблюдения И. Н. Жданова относительно близости текстов Житий Ольги и Владимира, помещенных в СК, А. И. Соболевский и И. В. Курукин поддержали и мнение этого историка литературы о возможности создания данных разделов памятника Сильвестром<sup>21</sup>. Предположение об участии Сильвестра в написании СК основывается на двух аргументах. Первым является текст записи на списке конца XVI в. Жития Ольги пространной редакции, полностью включенной в СК<sup>22</sup>: «списано любомудрецом Селивестром прозвутером царствующего града Москвы»<sup>23</sup>. Эта запись расценивалась как указание на авторство этого книжника. Второй довод в пользу рассматриваемой версии связан с выявленными в литературе случаями близости текстов Жития Владимира в СК (1 ст.) и Жития Ольги пространной редакции. На этом основании 1 ст. была приписана перу Сильвестра. А. И. Соболевский высказал мнение о возможности создания и всей первой (основной) части СК Сильвестром, тем самым предположив, что этот писатель выполнял функции одного из составителей. Исследователь основывался на том, что лишь в 15–17 ст. содержатся указания на авторство Андрея-Афанасия, отмеченные П. Г. Васенко (о них ниже). Разберем аргументы в пользу гипотезы об участии Сильвестра в написании СК в свете доступных нам данных.

Как уже отмечалось в историографии (в том числе и сторонниками рассматриваемой гипотезы), Житие Ольги пространной редакции послужило одним из важнейших источников жизнеописания Владимира в СК — более или менее пространные фрагменты из этого произведения фиксируются, по крайней мере, в 7 главах 1 ст. По объему материала, привнесенного в Житие Владимира, жизнеописание Ольги может сравниться лишь с Поучением на память крестителя Руси. Также следует отметить, что Жития Ольги и Владимира основывались на общих источниках — Никоновской летописи и «Памяти и похвале» Иакова Мниха. Сказанное выше дает основания полагать, что случаи близости Житий Ольги и ее внука обуславливались тем, что 1) первое было использовано во втором; 2) у памятников были общие источники. Это побуждает думать, что случаи близости данных житий не могут рассматриваться в числе доводов (по крайней мере, основных) в пользу гипотезы об участии автора Жития Ольги в написании 1 ст.

Обратим внимание на то, что при включении в текст СК Житие Ольги подверглось правке. Как отметил еще А. И. Соболевский, из него был изъят фрагмент, повествующий об охотах византийских императоров<sup>24</sup>, а также, как заметил А. В. Сиренов, его текст был дополнен указанием на двухлетний возраст Игоря в момент смерти Рюрика<sup>25</sup>. Трудно представить, чтобы большой

<sup>21</sup> Жданов И. Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях Владимирских». СПб., 1891. С. 120. Прим. 1; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1: отзыв академика А. И. Соболевского // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1907. Т. 82. № 6. С. 11–14; Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой // ИОРЯС. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 202; Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность (источники и историография). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 115.

<sup>22</sup> РНБ. Ф. 588. № 744.

<sup>23</sup> Изображение записи опубликовано, см.: Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин). Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Ил.

<sup>24</sup> Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой. С. 200–201.

<sup>25</sup> Сиренов А. В. О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 258. Как отметил историк, эта вставка отразилась в древнейших списках СК: в них она представляет

фрагмент из текста своего произведения пропустил бы сам автор Жития Ольги. Напротив, как показывают итоги наблюдений над текстом СК, ее составитель активно вмешивался в текст своих источников, порой сокращая их, порой дополняя известиями иных (по преимуществу, летописных) памятников (например, в Житиях Всеволода Псковского, митрополитов Алексия, Ионы). Важно отметить, что оба случая правки в Житии Ольги лежат в русле основных тенденций редактирования источников в СК: 1) дополнение агиографического материала летописным (вставка основанного на данных Воскресенской летописи указания на возраст Игоря); 2) устранение из текста материала, который был способен поколебать положительные облики предков Ивана IV<sup>26</sup> (пропуск рассказа о «позорных ловитвах» — охотах — византийских императоров, с которыми сравнивались первые русские князья). Таким образом, есть основания полагать, что характерная для прочих разделов СК правка текста Жития Ольги при включении последнего в состав первой вряд ли могла принадлежать автору этого Жития.

Также следует подчеркнуть особое место Жития Ольги в СК. Во-первых, оно помещено вне граней, как некий пролог. После Жития следует гранесование (оглавление) СК (Житие Ольги в нем не отражено), а лишь затем 1-я и последующие степени. Во-вторых, жизнеописание первой русской княгини-христианки не разделено на главы и титулы, что характерно для прочих разделов СК. В-третьих, обратим внимание на то, что такой крупный раздел СК, как Житие Ольги, не содержит внутритекстовых ссылок, которые характерны для всего текста СК (включая и 1 ст.)<sup>27</sup>. В-четвертых, на особое место Жития Ольги в произведении указывает и то, что, как отметил П. Г. Васенко, книжник под «началом» СК подразумевал не Житие Ольги, которое содержится в самом ее начале, а Житие Владимира в 1 ст.<sup>28</sup> Сказанное выше хорошо согласуется с гипотезой А. В. Сиренова о том, что Житие Ольги первоначально не планировалось включать в СК — сначала оно служило источником 1 ст. и было включено в текст произведения лишь после ее написания<sup>29</sup>.

Как уже указывалось ранее, Жития Ольги и Владимира, имевшие общие источники, выделяются своим объемом в ряду прочих жизнеописаний предков Ивана IV в СК, производя впечатление очень близких друг к другу памятников, которые отличны от ее прочих разделов. Этого, однако, как представляется, недостаточно для предположения об одном авторе этих Житий. Основания для данной гипотезы были бы, если бы между 1 ст. (Житие Владимира) и 2 ст., повествующей о Ярославе Владимировиче, а также последующими степенями обнаруживалась резкая грань. Фиксируется ли подобный разрыв между соответствующими разделами в СК?

При первом взгляде на 1 и 2 ст. их контраст представляется разительным — по своему объему жизнеописание Ярослава в десятки раз уступает Житию его отца; не вызывает сомнений и тот факт, что по содержанию (в том числе и по составу источников) 2 ст. значительно беднее 1-й. Рассмотрим эти разделы СК внимательнее.

2 ст. основана на данных «Слова о законе и благодати» (помещенной в этот памятник похвале Ярославу Владимировичу) и Никоновской летописи, которая является основным летописным

собой запись на нижнем поле (Волковский список) и над строкой (Томский и Чудовский). Н. Ф. Околович указал, что источником данного добавления послужила Воскресенская летопись (см.: Околович Н. Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге. С. 25).

<sup>26</sup> Вспомним указанную независимо друг от друга нами и В. И. Охотниковой правку фрагмента Жития Всеволода Псковского в СК (9 гл. 5 ст.): из него было устранено упоминание о «лютости» и «богонебязни» Юрия Владимировича — прямого предка первого русского царя (см.: Охотникова В. И. Житие Всеволода-Гавриила в составе Степенной книги. С. 489–490; Усачев А. С. Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 289).

<sup>27</sup> О них подробнее см.: Усачев А. С. Методы работы древнерусского книжника и проблема авторства Степенной книги. Ч. 2. С. 177–185.

<sup>28</sup> Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. С. 190. Прим. 3; Степенная книга. Т. 1. С. 148, 492. Любопытно отметить, что в «Сказании о святем благочестии российских началодержец», служащем своего рода введением ко всей СК, посвященное Ольге «торжественное слово» упомянуто «в начале прежде оглавления книги сея»; но «началом книги сея» поименовано жизнеописание Владимира. О Житии этого князя как «Начальном словеси» повествует книжник и в 74 гл. 1 ст. (см.: Степенная книга. Т. 1. С. 147, 374).

<sup>29</sup> Подробнее см.: Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 385.

источником 1 ст. (и СК в целом); ее материал в Житии Владимира также дополнялся данными «Слова» Илариона и ряда других произведений. Как видим, набор важнейших источников 1 и 2 ст. сходен. Таким образом, разрыв в составе источников в данных разделах СК не фиксируется. Можно ли говорить о том, что при создании жизнеописаний Владимира и Ярослава использовались разные методы работы с их текстами?

Составителя СК характеризует стремление создавать связанные рассказы из отдельных летописных известий. Как правило, они выстраивались в определенной последовательности, чаще всего прославлявшей деяния Владимира и его потомков, а также других персонажей русской истории (последовательность событий в данных рассказах СК не всегда соответствовала последовательности событий в ее источниках, прежде всего летописных). В 1 ст. это основанный на записях Никоновской летописи под 6508—6510, 6512 г. рассказ о русских богатырях, служащих Владимиру (65 г.); описание основания Белгородской епархии (54 г.), созданное путем соединения материала записей этой же летописи под 6500, 6504 г., и ряд других фрагментов. С аналогичными примерами мы встречаемся и во 2 ст. Ее 3—4 и 6—7 гл., повествующие о событиях времени правления Ярослава в Киеве, представляют соединение летописных известий по определенному тематическому признаку. Так, 3 гл. («О победах на сопротивных и о поставлении града Юрьева Ливонского»), в соответствии с записями Никоновской летописи под 6537—6538, 6546, 6549, 6555 г., сообщает о победах киевского князя над соседями. Созданная на основе материала записей этой же летописи под 6525, 6538, 6545, 6547, 6551, 6553, 6558—6559 г. и Киево-Печерского патерика 4 гл. («Книжное учение в Новеграде отрочатом») кроме повести об учении книжном содержит рассказ о делах церковных — строительстве Ярославом церквей и поставлении на митрополичью кафедру Илариона. Аналогичным образом построена и 8 гл. («О свoboжении князя Судислава»), в основу которой положен материал трех летописных записей (записи Никоновской летописи под 6541, 6566, 6571 г.), повествующих об аресте псковского князя «за некую крамолу», его освобождении сыновьями Ярослава, пострижении и смерти Судислава<sup>30</sup>.

Ранее нами было высказано предположение о том, что в основу ряда жизнеописаний великих князей киевских, владимирских и московских в СК положены крупнейшие памятники, прославляющие этих князей. В основу Жития Владимира в 1 ст., по всей видимости, было положено Поучение на его память; 8 ст. (Житие Александра Невского) базируется на Владимирской редакции его Жития; важнейшим источником 12 ст., повествующей о Дмитрии Ивановиче, является «Слово о житии» этого князя. Как уже отмечалось выше, по-видимому, в основу 2 ст. наряду с Никоновской летописью была положена похвала Ярославу, заключающая «Слово о законе и благодати»<sup>31</sup>. К сказанному выше также следует прибавить использование внутритекстовых ссылок как в 1-й (17, 72, 75 гл.), так и во 2-й (1 гл.) степенях.

Таким образом, можно констатировать следующее:

1. Близость Житий Ольги и Владимира обуславливается, во-первых, использованием фрагментов первого во втором; во-вторых, привлечением общих источников при написании обоих памятников.

2. Как для 1-й, так для 2-й и последующих степеней СК характерен один набор методов работы с источниками и способов представления их материала читателю.

3. Житие Ольги несколько выделяется в ряду прочих жизнеописаний прямых предков первого русского царя в СК.

Сказанное выше побуждает скептически отнестись к возможности написания Жития Ольги пространной редакции и 1 ст. одним лицом, а 1-й и 2-й (и последующих) степеней разными лицами.

<sup>30</sup> Подробнее см.: Усачев А. С. Методы работы древнерусского книжника и проблема авторства Степенной книги. Ч. 2. С. 156—168.

<sup>31</sup> Там же. Ч. 1. С. 301—318.

Это, в свою очередь, заставляет критично отнестись к гипотезе об участии автора Жития Ольги в создании СК (прежде всего, 1 ст.). Завершая рассмотрение вопроса относительно возможности участия Сильвестра в создании СК, необходимо отметить, что есть определенные основания для сомнений в написании Сильвестром Жития Ольги пространной редакции.

Единственным аргументом в пользу предположения об участии Сильвестра в создании Жития Ольги является текст уже упоминаемой выше записи на Погодинском списке этого произведения (конец XVI в.)<sup>32</sup>, повествующей о «списании любомудрецом Селивестром, прозвутером царствующего града Москвы» данного Жития (упоминание о «списании» в литературе было воспринято как указание на авторство). Необходимо отметить, что за последние десятилетия был выявлен ряд новых списков этой редакции Жития, более ранних, чем Погодинский. Так, в настоящее время кроме двух списков конца XVI в. — Погодинского и введенного в научный оборот И. В. Курукиным Академического последней четверти этого же столетия<sup>33</sup> — известны 3 списка Жития середины XVI в.: Барсовский, Егоровский и Софийский<sup>34</sup> (по-видимому, количество списков данной версии жизнеописания первой русской христианки, относящихся к этому времени, было большим<sup>35</sup>). Любопытно отметить, что ни один (!) из древнейших списков Жития записи о «списании» этого произведения Сильвестром не содержит<sup>36</sup>. Таким образом, запись, на которой основана гипотеза об авторстве Сильвестра, содержится в одном из пяти известных в настоящее время списков, к тому же позднейшем из всех. Достаточно ли этого для того, чтобы атрибутировать это произведение данному книжнику? Ответ, как представляется, очевиден: данные одного из пяти (к тому же самого позднего) списка не могут служить твердым основанием для гипотезы о происхождении архетипа памятника. Сказанное выше побуждает согласиться с мнением П. Г. Васенко о том, что рассматриваемая запись на Погодинском списке Жития Ольги, вероятно, относится к концу XVI в. и вряд ли содержалась в его протографе (общем с другими известными списками Жития)<sup>37</sup>.

Оспаривая данное предположение П. Г. Васенко, А. И. Соболевский указал на то, что запись о «списании» Жития Ольги в рукописи Пог. № 744 была в оригинале протографа этого позднего списка (т. е. была выполнена самим Сильвестром), а не была внесена позднейшим переписчиком на основании того, что Сильвестр назван «любомудрецом». Так, полагая, что запись, по всей видимости, принадлежала самому Сильвестру, А. И. Соболевский задается вопросом: «...Какой же переписчик когда-нибудь решился именовать себя “любомудрецом” или подобным высокопочетным титулом?»<sup>38</sup>. Однако, как представляется, данный аргумент говорит об обратном. Во всяком случае, нам не известно о том, что древнерусские книжники эпохи Средневековья в своих сочинениях называли сами себя «предивными в добродетелях», «любомудрецами». Скорее, фиксируется обратная тенденция — тенденция к уничижительно-нейтральным поименованиям себя авторами литературных памятников<sup>39</sup>.

<sup>32</sup> РНБ. Ф. 588. № 744.

<sup>33</sup> РГБ. Ф. 173. I. № 198.

<sup>34</sup> ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 758; РНБ. Ф. 728 (Софийское собрание). № 1424; РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 124. Софийский список был описан еще Д. И. Абрамовичем, Барсовский указан И. В. Курукиным, а на Егоровский внимание исследователей обратил Б. М. Клосс (см.: Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской Духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. С. 138; Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 116–117; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 262).

<sup>35</sup> Как установил И. В. Курукин (см.: Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 121–122), существовал и четвертый список этого времени, который был использован в СК, — на основании рассмотрения текстологии Жития историк выяснил, что Житие Ольги в СК не может быть возведено ни к Барсовскому, ни к Егоровскому, ни к Софийскому спискам этого произведения.

<sup>36</sup> Не содержит ее и Академический список.

<sup>37</sup> Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. С. 195. Вероятно, осознавая высокую степень гипотетичности предположения о написании Жития Ольги Сильвестром, автор последней биографии этого книжника, рассмотрев ряд связанных с ним произведений, данный памятник в их число не поместил (см.: Перхавко В. Б. Семья священника Сильвестра // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 46–61).

<sup>38</sup> Отзыв академика А. И. Соболевского. С. 13.

<sup>39</sup> Подробнее о постоянных сетованиях древнерусских книжников XI–XV вв. на свои неуклюжесть в «хитрости» писательского мастерства, «грубость», «художество», «неразумие» и безмерные прегрешения см.: Конявская Е. А. Авторское самосознание древ-



Приведем еще один, хотя и косвенный, аргумент, побуждающий усомниться в возможности написания Сильвестром Жития Ольги: в настоящее время не известно ни одного агиографического текста (за исключением этого Жития), который можно было бы с какими-либо основаниями приписать перу этого книжника. В свете имеющихся в современной науке данных (прежде всего, сочинений самого Сильвестра) этот персонаж известен как политический и культурный деятель, публицист, морализатор, устроитель быта русского горожанина XVI в.<sup>40</sup>, но нет никаких сведений о нем как об агиографе<sup>41</sup>.

Сказанное выше, вне зависимости от решения вопроса об авторстве пространной редакции Жития Ольги, побуждает констатировать, что две взаимосвязанные гипотезы — об участии Сильвестра в создании Жития Ольги и СК в целом — в настоящее время не могут быть признаны достаточно аргументированными. Это, в свою очередь, побуждает отказаться от мнения о том, что этот писатель являлся одним из составителей СК или автором ряда помещенных в нее разделов.

### Андрей-Афанасий

А теперь в свете данных, доступных исследователю начала XXI в., рассмотрим аргументы в пользу гипотезы об авторстве Андрея-Афанасия, высказанной еще в середине XIX в. М. Я. Диевым<sup>42</sup>.

В наиболее аргументированном и последовательном виде данное предположение представлено в работе 1904 г. П. Г. Васенко. Оно основывалось на следующих доводах:

- один из древнейших списков СК — Чудовский — содержит запись XVI в. о «собрании» СК митрополитом Афанасием<sup>43</sup> (под «собранием» М. Я. Диев и П. Г. Васенко понимали указание на участие в создании памятника);
- в СК включено нехарактерное для нее Житие — Даниила Переяславского, наставника Андрея-Афанасия (в памятник помещены полные тексты житий лишь представителей великокняжеского рода и митрополитов);
- в 21 гл. 15 ст. СК содержится выполненный от первого лица рассказ о чудесном исцелении его автора во время посещения Владимира-на-Клязьме. Чудо произошло во Владимирском Рождественском монастыре у мощей благоверного князя Александра Невского; Шумиловский

нерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000. С. 30–32, 54, 76–78, 128, 132–134, 140–141, 148, 155, 161, 163–164. Не произошло радикальных изменений и в XVI в. Например, в заглавии Жития Козьмы Яхромского упомянут его автор, современник Сильвестра, суздальский агиограф Григорий — «**смиранный** [инок] Суждала града обители преподобного Еуфимия» (см.: РНБ. Ф. 573 (Собрание СПбДА). № 277. Л. 347). Аналогичным образом именует себя этот же писатель и в заглавии Жития Иоанна Суздальского («Григорий, **смиранный** лавры преподобного отца архимандрита Еуфимия», см.: Усачев А. С. Житие Иоанна Суздальского // Вестник церковной истории. 2008. № 2. С. 23). В своих посланиях митрополит Макарий также отказывает себе в перечислении тех добродетелей, которыми его наделили упоминавшие его другие книжники (например, составитель СК, обращавший внимание читателя на «дивного во святителях» Макария, см.: Степенная книга царского родословия на древнейшем списке. М., 2008. Т. 2. С. 352). Показательно, что в своих сочинениях сам Сильвестр именует себя «последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Селивестришко» (послание к казанскому воеводе А. Б. Горбатову), упоминая о своей «худости» и «грубости» в письме неизвестному (см.: Голохвастов Д. П., Леонид (Кавелин). Благовещенский иерей Сильвестр. С. 88, 100).

<sup>40</sup> О биографии и литературной деятельности Сильвестра см.: Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой. С. 187–202; Нелимовский Е. А. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964. С. 263–269; Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность; Грбовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987. С. 109–147; Буланин Д. М., Колесов В. В. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 323–333 (там же обзор литературы по 80-е годы XX в. включительно); Филишкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 309–324, 329; Перхавко В. Б. Семья священника Сильвестра. С. 46–61.

<sup>41</sup> В свете вышесказанного нельзя не отметить, что, по всей видимости, Сильвестр не проявлял особого интереса к памятникам житийной литературы, что представляется весьма необычным для агиографа. Так, в его в целом реконструированной библиотеке, включавшей в себя не менее 66 рукописных книг, содержались богослужебные книги, Тактикон Никона Черногорца, Толкования на Евангелия и Псалтирь, сочинения Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Василия Нового и другие произведения; памятников же агиографии было сравнительно немного. Подробнее о библиотеке Сильвестра см.: Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра (XVI век) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. Л., 1966. С. 191–205; Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 97–111.

<sup>42</sup> См.: Усачев А. С. Забытое мнение о Степенной книге (Из неопубликованного наследия М. Я. Диева) // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 77–84.

<sup>43</sup> ГИМ. Чуд. № 56/358.

том Лицевого свода в соответствующем месте упоминает имя исцеленного лица — им был Андрей-Афанасий.

Этим, по сути, исчерпываются представленные в науке в настоящее время аргументы в пользу гипотезы об участии в написании СК Андрея-Афанасия<sup>44</sup>. Рассмотрим их внимательнее.

На основе анализа предисловия к 1 ст. П. Г. Васенко установил, что составитель СК был близок к митрополиту Макарию, «благословением и повелением» которого он и создавал памятник (или, во всяком случае, 1 ст.)<sup>45</sup>. Нашими предшественниками и нами была отмечена связь древнейших списков СК с митрополичьим Чудовым монастырем<sup>46</sup>. М. Я. Диев, П. Г. Васенко и С. И. Смирнов отметили ряд фрагментов СК, указывающих на переяславское происхождение ее составителя. Эти отрывки связаны с жизнеописанием Даниила Переяславского, которое полностью представлено в 25 гл. 16 ст.; его фрагмент также читается в 24 тит. 10 гл. 17 ст. Ссылаясь на повествование от первого лица в рассказе о чуде под Казанью в Сказании о Данииле в СК (25 гл. 16 ст.), исследователи отметили, что наиболее вероятным автором жизнеописания переяславского святого был близкий к нему царский духовник благовецкий протопоп Андрей, который в казанском походе сопровождал царя. К этому также следует прибавить отмеченный еще М. Я. Диевым, содержащийся в 21 гл. 15 ст. рассказ о чуде, имевшем место при посещении гробницы Александра Невского: данный пассаж выполнен от первого лица и в литературе связывается с именем Андрея-Афанасия. С. И. Смирнов, специально разобрав отличия Жития Даниила Переяславского от помещенного в СК Сказания о нем, установил, что автором Сказания, по всей видимости, был лично знавший Даниила переяславец (Андрей-Афанасий), который внес в Сказание ряд отсутствующих в Житии деталей из жизни переяславского святого<sup>47</sup>. К сказанному выше также следует прибавить запись XVI в. на рукописи, содержащей Чудовский список СК (вероятно, начало 60-х годов XVI в.) — «книги Чудова монастыря», о ее «собрании» «смирненным Афанасием, митрополитом всея Руси» (полный текст записи: «книга Чудова монастыря, собрана смиренным Афанасием, митрополитом всея Руси»<sup>48</sup>).

Как нетрудно заметить, набор указаний на участие в работе над памятником благовецского протопопа ограничивается заключительным разделом СК (15–17 ст.). Данное обстоятельство в значительной мере ставит под сомнение предположение об Андрее-Афанасии как о составителе всего текста СК, поскольку на его переяславское происхождение указывает лишь материал трех последних степеней. Это дало основания А. И. Соболевскому предположить, что составитель если не всего текста СК, то, во всяком случае, его значительных фрагментов в его первой части переяславцем мог и не являться. Исходя из этого, А. И. Соболевский и разделил текст СК на

<sup>44</sup> А. В. Сиренов высказал предположение о возможности принадлежности редакторского почерка древнейших списков СК Андрею-Афанасию (Сиренов А. В. Житие князя Владимира и составление Степенной книги // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 83–94; Сиренов А. В. Степенная книга. С. 160–164). Однако, учитывая отсутствие палеографических оснований для этой гипотезы (кроме двух стандартных подписей Афанасия в настоящее время не известны его автографы, которые можно было бы привлечь для сравнения с почерками писцов древнейших списков СК), предположение историка в настоящее время можно рассматривать лишь как догадку, которая не противоречит имеющимся в науке данным. Нами ранее было высказано предположение о принадлежности редакторского почерка руководителю группы писцов, создававших и правивших древнейшие списки рассматриваемого памятника. Вопрос же о том, был ли это Андрей-Афанасий или какое-либо иное лицо, остается открытым (см.: Усачев А. С. Древняя Русь в исторической мысли 60-х г. XVI в. (Степенная книга). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 20).

<sup>45</sup> Степенная книга. Т. 1. С. 219; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. С. 188–191.

<sup>46</sup> См., например: Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3–43; Усачев А. С. Создание Степенной книги с позиций истории книги: предварительные замечания // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (3) 2007. М., 2007. С. 127–134; Lenhoff G. The Chudov monastery and the Stepennaia kniga (в печати).

<sup>47</sup> Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть об обретении мощей и чудеса его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. — 15 июля 1908 г.). С. XXI–XXIV. См. также: Усачев А. С. Экземпляр издания «Житие Даниила Переяславского...» из библиотеки С. И. Смирнова (по фондам Российской государственной библиотеки). С. 54–60.

<sup>48</sup> ГИМ. Чуд. № 56/358. Л. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

две части — Житие Ольги, первые степени памятника и заключительные степени, — которые, согласно его мнению, писались разными лицами<sup>49</sup>. Если это действительно так, то предположение об участии Андрея-Афанасия в создании СК (по крайней мере, 1–14 ст.) повисает в воздухе. Для того, чтобы прояснить данный вопрос — т. е. доказать то, что составителем всего текста СК являлся Андрей-Афанасий, или признать справедливость мнения о том, что наряду с этим книжником в составлении произведения участвовало и другое лицо (перемыславец), — необходимо выяснить, есть ли в тексте первой части СК (по 14 ст. включительно) указания на перемыславское происхождение ее составителя и какие-либо другие данные, позволяющие прояснить этот вопрос. Обратимся к тексту СК.

Как выясняется при разборе рассказа о чудесном исцелении Михаила Черниговского Никитой Перемыславским в 18 гл. 6 ст., в текст Чуда в СК, по всей видимости, был введен перемыславский материал, который в соответствующем источнике не фиксируется (создатель СК, судя по всему, использовал так называемую основную редакцию Жития Никиты Перемыславского, содержащую помещенный в СК рассказ об исцелении Михаила Черниговского). Так, после слов, заключающих входящий в СК отрывок описания Чуда, «хвалу въздаю Богу и его молебнику чюдотворцу Никитѣ» следует отсутствующее в источнике СК дополнение, очевидно, принадлежащее ее составителю: «честныи же тои крестъ и **донынѣ** (выделено нами. — А. У.) стоить, надписание **лѣту цѣло имѣа**»<sup>50</sup>. Как видим, книжник обнаруживает хорошее знание перемыславской церковной географии. Это, в свою очередь, побуждает предположить, что данный отрывок при его включении в текст СК редактировался либо перемыславцем, либо лицом, хорошо знакомым с церковными древностями Перемыслава<sup>51</sup>.

Содержащееся в 15 гл. 12 ст. «В мале сказание» о Евдокии-Евфросинии создавалось на основе сочетания ряда летописных записей<sup>52</sup>. Неясен источник известия о том, что Евдокия «в Перемыслави же постави церковь близ града у реки у Трубежа Рожество святого Ивана Предтечи и монастыри устрои»<sup>53</sup>. Эта церковь в летописных источниках не фиксируется<sup>54</sup>. Проясняя вопрос о происхождении данного известия, важно отметить, что не фиксируются в летописных источниках и две другие церкви, расположенные также на р. Трубезь под Перемыславем, — св. царя Константина и св. Филиппа. Они упомянуты в написанном явно перемыславцем Сказании о Данииле Перемыславском, которое помещено в 25 гл. 16 ст.<sup>55</sup> Как нетрудно заметить, церкви Иоанна Предтечи, Константина и Филиппа связаны с перемыславской историко-церковной географией. Принимая во внимание тот факт, что эти церкви упоминаются в документах XVII в.<sup>56</sup>,

<sup>49</sup> Отзыв академика А. И. Соболевского. С. 8–11. Исследователь (за исключением Житий Ольги и Владимира) четко не отделил разделы, которые, согласно его точке зрения, принадлежали перу одного книжника, от разделов, принадлежащих перу другого.

<sup>50</sup> Ср.: Степенная книга. Т. 1. С. 481; Федотова М. А. Житие Никиты столпника Перемыславского (рукописная традиция Жития) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 326–327. Об этом см.: Усачев А. С. Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси. С. 291–293.

<sup>51</sup> Упомянув о данном чуде в СК, Н. В. Понырко высказала гипотезу, не подкрепленную аргументами, о том, что его автором является Андрей-Афанасий (см.: Понырко Н. В. Житие Никиты Столпника Перемыславского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 307–308). Можно лишь предполагать, что ход рассуждений Н. В. Понырко был аналогичен нашему.

<sup>52</sup> Подробнее см.: Усачев А. С. «В мале сказание» о Евдокии-Евфросинии в Книге Степенной царского родословия // Духовный путь Московской Руси: материалы научной конференции, посвященной 600-летию со дня блаженной кончины преподобной Евдокии-Евфросинии, великой княгини московской. М., 2007. С. 69–78.

<sup>53</sup> Степенная книга. Т. 2. С. 66.

<sup>54</sup> Отсутствуют сведения об этом монастыре и в фундаментальном справочнике В. В. Зверинского, см.: Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. СПб., 1890–1897. Т. 1–3.

<sup>55</sup> Степенная книга. Т. 2. С. 339.

<sup>56</sup> Данные церкви упомянуты в числе церквей, расположенных «на посаде» Перемыслава (см.: Материалы для истории Владимирской епархии. Вып. 5. Перемыславская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных оброчных земель / [В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров]. М., 1897. С. 47, 49, 53).

можно думать, что они существовали и в предшествующее столетие. Судя по всему, они были известны автору Сказаний о Данииле и Евдокии. Учитывая то, что в 15 гл. 12 ст. упоминается переяславская церковь Иоанна Предтечи, известие о строительстве которой Евдокией отсутствует в известных источниках СК, есть основания полагать, что этот раздел был написан либо переяславцем, либо лицом, хорошо знакомым с переяславской историко-церковной географией, а возможно и легендами, связанными с происхождением некоторых церквей. В этом случае источником 15 гл. наряду с летописями служили познания книжника.

К сказанному необходимо прибавить и вполне конкретное указание в тексте СК на написание 14 и 15 ст. одним лицом. Повествуя о событиях времени правления Василия II, 7 гл. 14 ст. при упоминании Ивана III отмечает, что «о немъ же (Иване III. — А. У.), аще благоволишь Богъ, последи хоцеть рещися въ степени пятинадесяти»<sup>57</sup>. Данная ремарка является прямым свидетельством того, что степени (по крайней мере, 14-я и 15-я) создавались в порядке их следования в памятнике: в 14 ст. книжник выражает надежду на то, что ему удастся написать следующую — 15-ю. Это, в свою очередь, побуждает скептически отнестись к самой возможности разделения СК на части с 1 по 14 ст. включительно и с 15 по 17 ст., которые, гипотетически могли писаться разными лицами.

Таким образом, переяславские «проговорки» составителя СК фиксируются не только в 15—17 ст., на что справедливо обращали внимание наши предшественники, — они содержатся также в 6 и 12 ст., что связывает текст СК (во всяком случае, 6—17 ст.) с писателем-переяславцем. Указание на единого создателя, по крайней мере, 14 и 15 ст. содержится в 7 гл. 14 ст.

Важно также отметить, что текст СК, прославляющей московских князей и их предков, фиксирует использование явно московских по своему происхождению источников, возможно, устных (рассказы о Данииле, Иване Калите, Дмитрие Ивановиче и его супруге Евдокии-Евфросинии). Они содержали почти исключительно московский материал: известие об основании столичной обители — Данилова монастыря; описания чудес Даниила Александровича, Дмитрия Ивановича и его жены, вероятно, имевших лишь местное почитание<sup>58</sup>. Возможно, данные рассказы собирались и фиксировались в московских соборах и обителях, связанных с данными персонажами, — основанном Даниилом Даниловом монастыре, построенном Евдокией-Евфросинией Вознесенском монастыре и Архангельском соборе, в котором похоронен Дмитрий Иванович. Нельзя исключить и возможность существования соответствующих документов в Царском архиве<sup>59</sup>. Важно отметить, что таких «проговорок», содержащих указания на современные составителю СК реалии относительно истории других регионов Руси (например, владимирских, тверских, суздальских или новгородских), нам зафиксировать не удалось. Последнее побуждает думать, что, несомненно, используя памятники региональных литератур — владимирской (Владимирская редакция Жития Александра Невского), псковской (Житие Всеволода Псковского Василия-Варлаама и, возможно, Житие Ольги пространной редакции), волоколамской («Просветитель» и, вероятно, Русский Хронограф редакции 1512 г.), новгородской (Новгородская IV летопись) — лишь при описании московских и переяславских историко-церковных древностей книжник обнаруживает познания, в основе которых лежит личный опыт.

В контексте гипотезы об авторстве Андрея-Афанасия в отношении СК немаловажное значение имеет одна деталь в рассказе о смерти Василия III в 24 гл. 16 ст., на которую наши предшественники не обращали внимания. В ней составитель СК приводит сообщение, отсутствующее

<sup>57</sup> Степенная книга. Т. 2. С. 137.

<sup>58</sup> Подробнее об их почитании см.: Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1998. С. 190, 323; Lenhoff G. Unofficial Veneration of the Danilovichs in Muscovite Rus' // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 391–416; Флоря Б. Н., Чугреева Н. Н. Даниил Александрович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 99–108.

<sup>59</sup> О возможности использования его материалов составителем СК см.: Усачев А. С. Степенная книга и материалы Царского архива XVI в. // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 22–28.

в его известных источниках, — упоминание о том, что перед смертью московского государя его духовнику, благовещенскому протопопу Алексею, умирающий князь поручил служить литургию<sup>60</sup>. Ранние летописные источники ничего не сообщают об этом факте (известие читается лишь в *Александро-Невской летописи*<sup>61</sup>, которая восходит к *Лицевому своду*, созданному под влиянием СК). Логичнее всего предположить, что происхождение этого известия могло быть связано с фигурой другого благовещенского протопопа — Андрея. Он, будучи так или иначе причастен к написанию СК, мог внести соответствующее известие на основе воспоминаний очевидцев смерти Василия III (возможно, служивших вместе с Алексеем священников, которые могли продолжать служить в Благовещенском соборе и при Андрее<sup>62</sup>).

\* \* \*

Сказанное выше дает основания выделить ряд признаков, которым должен был отвечать «кандидат» на роль составителя СК: 1) хорошее знание переяславской историко-церковной географии; 2) обусловленное либо происхождением, либо длительным проживанием знакомство с московскими церковными древностями и возможность использования источников, создаваемых, по всей видимости, в столичных обителях; 3) близость к митрополиту Макарию; 4) связь с московским Чудовым монастырем; 5) авторитет или занимаемая должность, которые были достаточны для привлечения к созданию древнейших списков СК полутора десятков писцов. Из всех известных книжников середины — третьей четверти XVI в. лишь одно лицо в полной мере отвечает этим требованиям — Андрей-Афанасий: переяславец по происхождению, настоятель московского Благовещенского собора, царский духовник, проживающий в Москве, по крайней мере, с 1549/1550 г.<sup>63</sup>, около 1561—1562 г. постриженный в московском Чудовом монастыре, в 1564 г. ставший митрополитом московским и всея Руси. Итоги анализа имеющегося материала не дают возможности установить имена конкретных лиц, помогавших нашему книжнику в написании СК.

Определяя личность создателя СК, необходимо учитывать, что, как отметил еще П. Г. Васенко, влияние на замысел произведения могли иметь пожелания лица, инициировавшего работу над памятником, — митрополита Макария. Принимая во внимание несомненный факт участия Макария, по крайней мере, в выработке замысла СК, Н. Н. Покровский счел возможным писать о «составителях» СК, подразумевая под ними Андрея-Афанасия и московского митрополита<sup>64</sup>. Итоги изучения СК не дают нам (как и веком ранее П. Г. Васенко) возможности ответить на вопрос о том, «как далеко шли советы Макария при выполнении возложенной на него задачи»<sup>65</sup>. На данном этапе изучения СК обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, как было показано выше, для всего текста СК характерен один набор методов, используемых при ее написании. Во-вторых, зафиксируем, что в произведении содержатся упоминания «дивного во святителях» Макария и указание 1 гл. 1 ст. на «благословение» этим иерархом создателя СК. Это, в свою очередь, дает основания полагать, что возможность **непосредственного** участия московского митрополита в написании всего текста памятника или тех или иных его крупных

<sup>60</sup> Степенная книга. Т. 2. С. 324. Данное известие также содержится в Царственной книге Лицевого свода (см.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 412), при составлении которого, как известно, использовалась СК.

<sup>61</sup> ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 121.

<sup>62</sup> С. И. Смирнов поместил Алексея в число духовников великих князей в своем перечне под 1533 г., правда, не оговорив свой источник сведений о нем (см.: Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование с приложением: материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1914. С. 251—252. Прил. I). Вероятно, историк, будучи хорошо знаком с СК, опирался на приведенный в ней рассказ.

<sup>63</sup> На это время приходится начало исполнением им обязанностей духовника при Иване IV и, по всей видимости, протопопа московского Благовещенского собора. См.: Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. С. 205. Примеч. 1.

<sup>64</sup> Покровский Н. Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга. Т. 1. С. 92. Примеч. 7.

<sup>65</sup> Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. С. 190—191.



разделов сомнительна. Таким образом, вопрос об авторе замысла СК остается открытым — это мог быть и Макарий, и лицо, которому было поручено написание памятника. Отвечая на вопрос об исполнителе этого замысла, мы можем прийти к более определенным выводам: в свете имеющихся в настоящее время данных можно полагать, что наиболее вероятным составителем являлся Андрей-Афанасий, направлявший работу ряда помощников, имена которых не известны.